

УДК 316.46+323.2

А.И. Лысюк¹, Д.А. Лысюк²¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²магистр полит. наук, эксперт Брестского областного
культурно-просветительского общественного объединения «Логос»
e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²mitiaus@gmail.com**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ**

Осуществляется анализ воздействия ценностей постмодерна на политическое лидерство. Указывается, что в обществе происходит утверждение постидеологии, связанное с падением политического влияния традиционных политических идеологий и религиозных верований, наблюдается эклектика политико-идеологических принципов, широкое распространение идеологием, что способствует приходу к власти политиков, исповедующих идеологическую индифферентность. Наряду с этим наблюдается широкое распространение мультикультурализма и культурного плюрализма, зарождение и усиление новых социальных ценностей (гендерных, экологических и др.), что детерминировало появление широкого спектра политических движений и лидеров, представляющих их в большой политике. Одновременно как реакция на идейную эклектику и мультикультурализм актуализируется тема возвращения к национальной традиции, что обусловило приход на самые высокие политические позиции лидеров, артикулирующих тематику национального возрождения и обновления.

Введение

Политическое лидерство, являясь не только институциональным, но и социокультурным образованием, не может не испытывать на себе воздействия смены в обществе ценностных парадигм, в особенности цивилизационных, мировоззренческих и политико-культурных. Как отмечает российский политолог А. Соловьев, «накопленный человечеством опыт убедительно свидетельствует о неуклонном повышении роли социокультурной детерминации политических процессов... Роль этого типа каузальности зачастую оказывается значительно выше, чем воздействие на политический процесс институциональных структур или законодательно-правовых норм... Политическая сфера жизни представляет ту сферу социальности, которая наиболее жестко зависит от влияния культурных факторов, лежащих в основании характерной для концептуализации этой сферы символической идентификации и мотивации акторов» [1, с. 126–127]. Закономерным образом смена/сдвиг доминантной модели ценностных ориентаций в социуме, переход от модерна к постмодерну, от материальных ценностей к ценностям постматериальным не могут не приводить к существенным изменениям господствующих типов и стилей политического лидерства во всех его базовых компонентах: лидер, последователи, отношения между ними, институциональный и социокультурный контенты и контексты.

Укоренение в социальную ткань современного общества ценностей постмодерна приводит к тому, что, как утверждают польские политологи Т. Bodio и Р. Załęski, «на наших глазах разрушаются парадигмы в сфере управления государством, все выразительнее не оправдываются традиционные механизмы легитимизации властных элит. Мы наблюдаем процесс формирования нового типа политики, которая принуждает нас к переосмыслению существовавших до сих пор аксиом относительно государственных устройств, организации власти, а также публичной жизни и международного сотрудничества» [2, с. 388]. В условиях «постмодернистского империализма» в наибольшей степени ценности постмодерна и, соответственно, детерминированный ими новый формат

политики и политического лидерства утвердились в скандинавских государствах, Канаде и Нидерландах.

Научная литература, большей частью англоязычная, где изучается влияние постмодерна на политическое лидерство, представлена работами, исследующими воздействие отдельных новых социальных ценностей на новые форматы лидерства [3; 4]. Однако отсутствуют работы, посвященные исследованию этого процесса как интегрированного целого, проявляющегося через постидеологию и формирующуюся на ее основе постполитику, что является целью данной статьи.

Приступая к подобному анализу, следует сделать несколько важных методологических оговорок. Во-первых, указать на нелинейность, аритмию процесса утверждения ценностей постмодерна в отдельных социальных системах, тем более принадлежащих к различным цивилизациям. Во-вторых, исходить из возможности возвратного движения (от постмодерна к модерну) в случае возникновения угроз в сфере экономической, политической и других форм безопасности. В-третьих, отметить его (постмодерна) фрагментарность и несовпадение по динамике утверждения в отдельных странах и континентах. В-четвертых, констатировать наличие межпоколенческой дифференциации по отношению к этой группе ценностей. В-пятых, избегать однозначно позитивной интерпретации новых социальных ценностей, поскольку многим из них присуща противоречивость, неоднозначность и контекстуальность. В-шестых, обратить внимание на новое прочтение постмодерном феномена традиции, в особенности через диалектический метод отрицания отрицания. В-седьмых, отметить эклектичность данной группы ценностей, функционирующих в социальной системе. В-восьмых, указать на происходящее в эту эпоху стирание границ между «высшей» и «низшей» культурами, т.е. культурами социальных масс и политического класса. В-девятых, избегать чрезмерного противопоставления ценностей модерна и постмодерна, поскольку в реальном обществе наблюдается их известная взаимосвязь и взаимозависимость и «они являются частью единого целого, несмотря на внутренние противоречия» [5, с. 3].

Постидеология и ее влияние на политическое лидерство

Как справедливо отмечает американский исследователь Р. Ингхларт, «ключевой мотив постмодернизма – это недоверие ко всем метанарративам: все идеологии, религии и другие общие объяснения... не достойны доверия» [6, с. 348]. С точки зрения постмодернистского мышления, ставшего доминирующим в странах Запада начиная с 70-х гг. XX в., субъектам политики целесообразно стремиться в сторону «центра», мыслить и действовать «за пределами левого и правого» (Э. Гидденс) и ориентироваться на разработку и следование в политике «третьему пути».

Этот процесс «деидеологизации» основывался и на том, что, как утверждает российский эксперт Л. Шевцова, «после падения Советского Союза исчезла необходимость в борьбе идеологий и борьбе за умы граждан. У либеральной цивилизации исчезла потребность обосновывать себя и возникла уверенность в безмятежном движении безо всяких идеалов – к успеху и благоденствию» [7]. В этом контексте можно упомянуть и известное высказывание лидера польских либералов, а в настоящее время председателя Европейского совета Д. Туска об «идеологии горячей воды в кранах»: главное для политика – обеспечение достойного уровня жизни населения, а не артикуляция и презентация определенных политико-идеологических систем.

Подобный тренд приводит к нескольким политико-идеологическим эффектам, способным порождать у части избирателей не только новые представления о политике и мире, но даже когнитивные диссонансы. В первую очередь отметим, что на место прежней идеологической определенности приходит *эkleктика* идеологических принципов, стратегических и тактических программных положений. В результате этого воз-

никает ситуация, когда преимущественные шансы на успех получают те политические лидеры, которые уже не придерживаются традиционных идеологических представлений, а артикулируют (осознанно) в угоду политической конъюнктуре определенный набор («коктейль») «идей», представляющих различные идеологические системы. Когда же властвующие персоны в своей политической практике фокусируются на следовании прежним устойчивым идеологическим принципам (например, М. Шульц в Германии или Ф. Олланд во Франции), то достаточно часто у них не наблюдается роста электоральной поддержки. В свою очередь, например, государственное лидерство консерватора А. Меркель или же либерала Э. Макрона во многом основывается на том, что в свои политические практики они аккумулировали среди прочего и традиционные социал-демократические ценности и проекты, в особенности касающиеся поддержки социально уязвимых категорий населения.

Идеологическая эклектика может приводить и к тому, что немалая часть политических лидеров оказывается настолько лишенной четких идеологических ориентаций, что оценку их политического лица осуществляют по иным (во многом случайным и второстепенным) критериям (например, отношения с женщинами или же футбольные предпочтения бывшего премьер-министра Италии С. Берлускони). С другой стороны, постмодернистская эклектика, в которой отсутствуют четкие и безусловные нормы, ценности и правила, может вызывать и стремление к реставрации, восстановлению в масштабах страны ценностного единства. К примеру, некоторыми исследователями приход к власти Д. Трампа воспринимается именно как «реакция на эклектику».

Как известно, свято место пусто не бывает. Поэтому социальные ниши, исторически закрепленные за политическими идеологиями, стали занимать политические *идеологемы*, выступающие в виде эмоционально окрашенных и достаточно расплывчатых элементов идеологической системы, у которых отсутствует строго определенное значение и которые изменяются в соответствии с политической прагматикой и интересами. Все это не может не приводить к власти лидеров с размытой политической и идеологической позицией.

Утрата значения традиционных идеологий привела также к тому, что партийные лидеры в ограниченной мере стали «работать» с политическими *убеждениями* избирателей, основанными на знании и рациональности, предпочитая поиск каналов влияния на их установки («аттитюды»), что меняет само содержание политических коммуникаций лидеров, поскольку установки являются преимущественно психологическим феноменом. На них решающее воздействие оказывает, как правило, не сила аргументации, а механизмы социально-психологического воздействия, в том числе и иррационального.

В результате, как констатирует польский политолог П. Жукевич, «конфликт великих идеологий, который в эпоху классической политики выражался в соперничестве политических партий, в постполитическую эпоху оказался замещенным «дискурсом экспертов», выстраивающих избирательные стратегии исходя из политической конъюнктуры с использованием специальных технологий, зачастую – манипулятивных» [8, с. 96]. В этой ситуации принципиальное значение имеет уже не качество и глубина артикулируемых идей, а легкость и быстрота их усвоения массами. Как следствие, политические лидеры перестают быть персонификаторами великих мировых идеологий, какими были в свое время, например, Р. Рейган (консерватизм), В. Шмидт (социал-демократия), Гитлер (фашизм) или же И. Сталин (коммунизм).

Помимо политико-идеологической, для этой эпохи имманентно присуща и в целом мировоззренческая неопределенность и невнятность. По утверждению Р. Ингхларда, «двусмысленность – это центральный компонент постмодернистского мировоззрения» [6, с. 348]. В социуме наблюдается отсутствие ценностного консенсуса и базовых идеологических основ. Как справедливо констатирует А. Якимович, в эпоху постмодер-

на «люди утратили способность различать и противопоставлять то, что прежде были полярными противоположностями. В политике смешалось “левое” и “правое”, в СМИ – истина и ложь, в мире предметов – полезность и бесполезность. Великие гуманистические критерии стерлись в нашей системе образов и знаков, а в системе ценностей исчезло что-то святое и недоступное» [9, с. 16–17]. Важнейшими симптомами постмодернистского мышления являются также уклончивость смыслов, их разорванность, неспособность различать добро и зло, алогичность мышления. Элементы постмодернизма проявляются и в «массовидности», рыночности, ярмарочности, «порнографичности» культурных образцов вследствие «восстания масс» и усиления манипулятивной роли СМИ. Происходит отказ от политических и иных принципов как внутри страны, так и на международной арене. Западная демократия становится только отчасти ориентированной на решение смысловых проблем, все больше погружаясь в решение повседневных и текущих утилитарных вопросов.

По причине «пластичности» и «эластичности» мировоззренческих позиций наблюдается дефицит лидеров с устойчивыми ценностными ориентациями. Возникает то социальное состояние, которое получило название «текущая современность» (З. Бауман), в которой, по утверждению Л. Шевцовой, «все размыто и нет границ между принципами и нормами... Нет ни друга, ни врага, ни мира, ни войны, ни закона. ни беззакония: все смешалось в одном стакане... Ширак и Саркози, Берлускони и Шредер – все они лидеры “текучести”, которая не требует следования принципам» [7].

Производной от мировоззренческой является моральная амбивалентность. Нельзя не согласиться с российским исследователем В. Щипковым, придерживающимся позиции, что в основе постмодернизма «лежит идея о том, что не существует добра и зла... а власть завоевывает тот, кто остается за принципами морали, действует, не учитывая нравственные запреты, в соответствии с принципом тотальной свободы» [10]. Подобной же позиции придерживается и помощник президента России В. Сурков, отмечающий, что в современном мире «этические схемы расплываются» и «именно такую фазу – непереносимости фальши... разочарования в норме – проходят сейчас некоторые западные нации» [11]. Следует добавить, что не только и не столько западные.

В результате универсальные, укорененные в традицию и религию моральные нормы подвергаются обструкции и заменяются договорными социальными соглашениями, которые могут в зависимости от контекста изменяться. В силу этой моральной сумятицы и отсутствия четких критериев между добром и злом для политического лидера исчезает необходимость проходить «тест» на «моральную отвагу», и он совсем не обязан выступать в качестве «морального героя». Наступает закат столь востребованного в эпоху модерна политика – «провидческого реалиста», который интегрировал все составляющие морального лидерства: а) моральную мотивацию; б) актуальную эффективность, базирующуюся на ответственности и отрицающую конъюнктурность; в) ответственность за позитивное будущее; г) ориентацию на нравственное воспитание общества, поскольку образ лидера является эталоном для массового сознания, а сами лидеры обладают существенными ресурсами трансформации общественного сознания в направлении высоких целей.

Современные политики относятся к этому социальному тренду по-разному. Многие из них делают выбор в пользу предлагаемого В. Сурковым метода «лицемерия», рассматривая его и как эффективное оружие для завоевания и сохранения власти, и как «социальную неизбежность». Другие же (меньшинство) стремятся занять четкую моральную позицию, рассчитывая обрести поддержку у той части общества, которая обладает неутраченным моральным достоинством.

Кроме этого, идеологическая размытость, идеологическая индифферентность, отсутствие идеологически выверенных и исторически оправданных программ развития

страны приводит к тому, что **популизм** как своеобразная патология демократического общества становится в современном мире распространенным общественным явлением.

Новые социальные ценности как источник политического лидерства

Что же приходит в системе политического лидерства на месте политических идеологий и устоявшихся ценностных ориентаций?

Постмодернистская чувствительность – это разрушение границ (культурных), прежних ценностных систем и восприятие мира как хаоса, разлома, разрыва и неопределенности. Это эпоха относительности в интерпретации социальных и культурных феноменов. В условиях нестабильности закономерным образом усиливается личностный фактор в политике и происходит переход от институционализации к персонификации политических процессов. Принципиальное значение приобретает фактор доверия не столько к программе, сколько к властвующей персоне.

В современном обществе отчетливо проявилась культурная плюралистическая парадигма, выступившая как фрагментация культурного единства, доминанта субкультур, в том числе политических. Во фрагментированном постмодернистском обществе появляются индивиды и социальные группы, активно отстаивающие свои права и ценности. Доминировавший в модерне приоритет экономических, основанных на рациональности интересов уступил место практикам, репрезентирующим локальные, даже частные ценности. Как отмечают Т. Keough и В. Tobin, «культура постмодернизма означает торжество личного права быть непохожим, инакомыслящим, быть в жизни не конформистом» [5, с. 3].

Во множестве социальных групп права свободы и ценностные ориентации, связанные с их локальной идентичностью, выступают гораздо более важными, чем общечеловеческие и универсальные. Поэтому политический лидер обязан учитывать все многообразие субкультурных проектов и инициатив, связанных с реализацией прав и ценностей определенных идентичностей. Нарративы об идентичности, аксиологические дискурсы, их артикуляция становятся важной частью политических стратегий и практик политических лидеров.

Среди ценностей постмодерна особенный политический вес приобрели **гендерные** дискурсы. Нельзя не согласиться с тезисом белорусского исследователя А.А. Бородули, что интенсивно идущие «процессы глобализации... являются гендерно кодированными» и перестраивают «порядок отношений между полами» [12, с. 59], что послужило источником масштабного вхождения во власть женщин, усиления политической роли женских политических партий и феминистских организаций.

В полной мере этот процесс коснулся государственных структур. Число женщин, к примеру, в парламентах и правительствах большинства европейских стран к концу 90-х гг. XX ст. составило около 30–50 %. Появление более гендерно чувствительной ценностной парадигмы привело к своеобразному всплеску женского политического лидерства в Европе. Практически во всех окружающих либо близлежащих к Беларуси государствах высшие должности уже занимали или занимают женщины: Ю. Тимошенко (Украина), Б. Шидло и Э. Копач (Польша), Д. Грибаускайте (Литва), В. Вике-Фрейберга (Латвия), К. Кальюлайд (Эстония), И. Радичова (Словакия) и др. Женщины возглавляли правительства во всех скандинавских государствах. Настоящими политическими звездами являются М. Тэтчер, А. Меркель, Х. Брунтланн, К. Киршнер и Т. Мэй.

Современное западное общество достаточно толерантно относится к процессам эмансипации меньшинств, в особенности к сексуальным меньшинствам, что позволило многим западным политикам с **нетрадиционной сексуальной ориентацией** занять важные позиции в системе государственной власти. Некоторые из них даже возглавили национальные правительства (например, Йоханна Сигурдардоттир – премьер-министр

Исландии, заключившая брак со своей многолетней партнершей) или же заняли ключевые в государстве политические позиции (министр иностранных дел Германии Г. Вестервелле). Достаточно большое число представителей ЛГБТО-сообщества стали мэрами больших городов Европы и Северной Америки: К. Воверайт (Берлин), Б. Деланоз (Париж), Г. Мюррей (Виннипег) и др. Разумеется, в каждом отдельном случае сами политики принимали решение, в какой степени они могут открыто говорить о своей сексуальной ориентации. Однако совершенно очевидно и то, что они по двум вполне прозаическим обстоятельствам как минимум этого факта не скрывали. Во-первых, руководствуясь стремлением не позволить политическим оппонентам использовать тему секса для проведения против них информационных атак. Во-вторых, по причине уверенности в том, что демонстрация своей нетрадиционной ориентации не обязательно обеспечивает негативный результат на выборах. В силу того что проблематика сексуальных меньшинств стала важной темой современного политического дискурса, у современных политиков возникла необходимость в своих предвыборных посланиях демонстрировать лояльность к этой категории населения и готовность решать вопросы, связанные с ее правами.

Практически во всех государствах западной цивилизации произошло усиление политического влияния политических партий и общественных движений *экологической* направленности. Главная причина этого – укрепление и усиление в обществе «зеленых» настроений. Во многих европейских странах (Швеция, Швейцария, Исландия, Германия, Норвегия и др.) «зеленые» политические партии входят в пятерку парламентских партий, набирая на выборах около 5–10 % голосов избирателей. Эти процессы способствовали укреплению политического влияния лидеров «зеленых» политических партий, что позволило им претендовать на ключевые политические посты (министр иностранных дел Германии Й. Фишер, нынешний президент Австрии А. Ван дер Беллен и др.). Кроме этого, популярность «зеленой идеи» обязала большинство партий и их лидеров включать в свои программные документы проблематику, связанную с защитой окружающей среды. «Зеленые настроения» удалось закрепить и в международной повестке дня, о чем свидетельствует разработка и принятие на Саммите ООН в 1992 г. в Рио-де-Жанейро «Декларации Рио по окружающей среде и развитию». В ней сформулированы 27 принципов устойчивого развития и долгосрочная программа дальнейших действий как в глобальном, так и в региональном масштабах, где ключевую роль играет экологическая составляющая. Неупоминание о своей приверженности принципам устойчивого развития является моветоном современного европейского политика. Так, целый ряд руководителей белорусских регионов инициировали создание территориальных локальных стратегий устойчивого развития.

Важные политические функции выполняют руководители национальных и международных *правозащитных* организаций. В ряде случаев борьба за права человека способствует достижению высших властных позиций, как это произошло, например, в Мьянме с Аун Сан Су Чжи или же в Чехии с В. Гавелом. В других – правозащитные организации существенным образом трансформируют политику, проводимую конкретным политическим лидером, формируя определенное отношение к нему со стороны национальных и международных политических акторов.

В современной политике можно выделить и группу достаточно *экзотических и эксцентрических (альтернативных)* политических лидеров, выступающих антиподом традиционных партий и движений, претендующих на роль несистемной оппозиции, атакующих устоявшиеся политические институты и во главу угла своей деятельности ставящих не системные, а достаточно случайные, но вызывающие общественный резонанс цели и задачи. Для них принципиальным является выдвижение на передний план лозунга неприятия существующей модели государственного управления. Подоб-

ные политические движения, как правило, предельно персонифицированы. К ним можно отнести, например, «Движение Януша Паликота» (Польша), делающее акцент на антирелигиозные лозунги, либерализацию марихуаны и аборт, допустимость однополых браков и т.п.

Подобные политические движения и их лидеры могут присутствовать в политике в более смягченном варианте. Речь идет о том, что, противопоставляя себя традиционным партиям и политикам и выступая от имени созданных ими общественных движений, эти лидеры предъявляют обществу некое новое, выходящее за рамки привычного видение общественных проблем и способов их решения. Так, например, лидер «Движение пяти звезд» (Италия) комик Белле Грилло, в принципе противопоставляя свой политический проект традиционным партиям, настаивает на том, что его движение является исключительно «свободным объединением граждан», для которого принципиальное значение имеют вопросы даже не экономики, а экологии и социального равенства. Представитель этого движения Вирджиния Раджи победила в 2016 г. на выборах мэра Рима. Однако интеграция лидеров этих движений в систему государственной власти и взятие на себя политической ответственности естественным образом приводят к падению их политического авторитета.

Политический мультикультурализм и расцвет широкого спектра субкультур приводит к тому, что, согласно Р. Ингхларду, в рамках постмодерна происходит возрождение ценности традиции, которая снова приобретает позитивное значение, утраченное в модерне [6, с. 351], но уже в преобразованной форме.

Как справедливо утверждает Л. Шевцова, «растущая популярность крайне левых и крайне правых в Европе – это тоже реакция на постмодернизм и стремление европейского общества найти точки опоры в возврате к прошлым ориентирам государственной защиты и традиционной морали» [7].

Действительно, вместо и на место утраченных идеологий может приходиться укорененная в традицию система верований и мифов, этоса и эпоса, служащая идеологической подкладкой формирования когорты «новых политиков», новых лидеров, выходящих за пределы уже сформировавшегося политического класса. Происходит своеобразный ренессанс политических движений, основанных на презентации в политике исторических *религиозных* и/или *национальных ценностей и чувств*. При этом заметную политическую роль в странах Евросоюза начинают играть лидеры политических движений, подвергающие сомнению евроцентризм, институты Евросоюза и проповедующие евроскептицизм. Они занимают жесткие антиэмигрантские позиции и настаивают на возвращении к истокам – утраченному «золотому веку», национальным ценностям и национальному государству. В государствах Западной Европы политические позиции и политический авторитет этих лидеров заметно выросли, позволив им войти в состав парламента, но не заняв при этом доминирующих политических позиций (Г. Вилдерс в Нидерландах, М. Ле Пен во Франции, А. Гауланд, Ф. Петри в Германии и др.). Исключение составляет только Австрия, где после последних парламентских выборов сформирована коалиция между консервативной народной партией (ее лидер С. Курц возглавил правительство страны) и ультраправой Партией свободы (лидер Х.-К. Штрахе). Ее основой выступила солидарная позиция о необходимости ограничить поток беженцев и борьба с «исламизацией» страны, а также противодействие вмешательству Евросоюза во внутренние дела государства. В то же время С. Курц и Х.-К. Штрахе заявили о приверженности проевропейскому пути и общегуманистическим ценностям.

В странах же Центральной и Восточной Европы произошла своего рода политическая контрреформация, позволившая политическим лидерам, сделавшим акцент на евроскептицизме и антиэмигрантской риторике, возглавить государственные системы (В. Орбан в Венгрии, М. Земан в Чехии). В наиболее отчетливой и радикальной

форме этот тренд проявился в Польше, где к власти на выборах 2015 г. пришла возглавляемая Ярославом Качиньским консервативная партия «Право и справедливость», отрицающая совокупность базовых ценностей Евросоюза (секуляризм, мультикультурализм, толерантность, политкорректность, светскость), делающая акцент на интеграции в политике консервативных ценностей (семья, церковь, патриотизм, традиция) и масштабных программ по поддержке социально уязвимых категорий населения. В настоящее время, по данным социологических опросов, «Право и справедливость» усилила свои политические позиции: число поддерживающих ее граждан Польши достигло 50 %, в то время как главных их оппонентов – либеральную «Гражданскую платформу» – не более 20 %.

Национальный фактор лидерства проявляется и в региональном измерении: наблюдается всплеск регионального национализма в Каталонии, северных регионах Италии, Шотландии и др., что существенно повышает политический авторитет возглавляющих их лидеров (К. Пучдемона, Н. Стерджен, М. Сальвини и др.).

Одновременно как своеобразная реакция на утверждение ценностей постмодерна не только в государствах ЕС, но и во всем мире, в том числе и в исламских странах, происходит усиление влияния **радикальных фундаменталистских** религиозно-политических движений, преследующих цели преобразования общества на принципах религиозной ортодоксии с использованием силовых инструментов, в том числе террора и вооруженных акций. Поэтому лидеры террористических организаций, такие как Усама бен Ладен, Абу Бакр аль-Багдади, Шамиль Басаев и Мулла Омар, выступили важными игроками в политических противоборствах последних десятилетий.

Заключение

На основании проведенного анализа можно утверждать, что в эпоху постмодерна произошла радикальная трансформация доминирующих в обществе ценностных систем, что закономерным образом детерминировало новые модели и стили политического лидерства.

В первую очередь следует указать на формирование постидеологии, для которой характерен отказ от глобальных и устойчивых метанарративов, приведших к падению роли политических идеологий и их носителей. Нельзя не согласиться с итальянским исследователем Е. Ntini, отмечающим, что в постмодерне больше «не существует метавысказывания, объективной основы для критики, единственно правильного (правдивого) взгляда на жизнь», и ценностные парадигмы действительны только в рамках отдельных сообществ, а не общества в целом [13, с. 651].

Кроме этого, все очевиднее в обществе стали проступать две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, отчетливо проявилась эклектика базовых и локальных идеологических принципов, стратегических и тактических программных положений, что позволило утверждаться во власти лицам с неопределенными идеологическими убеждениями. С другой – широкое распространение мультикультурализма и культурного плюрализма детерминировало появление широкого спектра политических движений и лидеров, представляющих их ценности в большой политике.

Как реакция на политико-идеологическую эклектику и разрушение исторически сформированных ценностных систем в целом ряде государств стала актуализироваться тема возвращения к традиции и духовным истокам, что обусловило приход на высокие политические позиции лидеров, артикулирующих подобную тематику.

Очевидно, таким образом, что в современных обстоятельствах политический лидер как производитель и персонификатор ценностей не исчезает. Однако на первый план выступает попечение, артикуляция и презентация ценностей, присущих определенным субкультурам и локальным сообществам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев, А. И. Политическая культура: к проблеме идентификации национальных моделей / А. И. Соловьев // Принципы и практика политических исследований – М. : РОСС-ПЭН, 2002. – С. 126–144.
2. Bodio, T. Przywództwo i elity polityczne / T. Bodio, P. Załęski // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. – Warszawa : ASPRA-JR, 2007. – 1398 s.
3. Inglehart, R. Wzbierająca fala. Równouprawnienie płci a zmiana kulturowa na świecie / R. Inglehart, P. Norris. – Warszawa, 2009. – 212 s.
4. Taggart, P. Populizm i patologie polityki przedstawicielskiej / P. Taggart // Demokracja w obliczu populizmu. – Warszawa : Oficyna Naukowa, 2007. – S. 106–128.
5. Keough, T. Postmodern Leadership and the Policy Lexicon: From Theory, Proxy to Practice / T. Keough, B. Tobin. – Quebec : Laval University, 2001. – P. 3–22.
6. Інглхарт, Р. Мадэрнізацыя і постмадэрнізацыя / Р. Інглхарт // Палітычная навука. Анталогія класічных тэкстаў. – Мінск ; Вільня : Паліт. сфера, 2012. – С. 326–389.
7. Шевцова, Л. Исчерпанное время постмодерна [Электронный ресурс] / Л. Шевцова. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/a/28243845.html>. – Дата доступа: 14.10.2017.
8. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
9. Якимович, А. К. Тоталитарная и независимая культура / А. К. Якимович // Вопр. философии. – 1991. – № 11. – С. 16–25.
10. Щипков, В. Полемика с Владиславом Сурковым. Декларация политического постмодернизма [Электронный ресурс] / В. Щипков. – Режим доступа: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-11-17/100_surkov.html. – Дата доступа: 04.12.2017.
11. Сурков, В. Кризис лицемерия. «I hear America singing» [Электронный ресурс] / В. Сурков. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/446944-surkov-kризис-лицемерия>. – Дата доступа: 07.11.2017.
12. Бородуля, А. А. Гендерная идентичность и права женщин в условиях глобализации / А. А. Бородуля // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 1. – С. 57–61.
13. Ntini, E. Postmodernism as an Approach to Policy Studies – An Overview / E. Ntini // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing. – 2014. – Vol. 5, № 8. – P. 648–655.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2018

Lysiuk A.I., Lysiuk D.A. Political Leadership in the Postmodern Epoch: Social and Cultural Grounds

This article analyses the impact of postmodern values on political leadership. It is pointed out, that a post-ideological consolidation in the society is going on and is tied with decline of the political influence of traditional political ideologies and religious beliefs. It is also observed an eclecticism of political and ideological principles, widespread ideologeme distribution, which facilitates coming to power those politicians adhering to ideological indifference. Along with this, there is a wide distribution of multiculturalism and cultural pluralism, rise and strengthening of new social values (gender, environmental and etc.), which has determined the emergence of a wide range of political movements and leaders, representing them in a big politics. Simultaneously, as a reaction to ideological eclecticism and multiculturalism, the actualization of the theme of return to the national tradition appears, which has led to coming to the highest political positions those leaders, who articulate national renaissance and instauration issue.